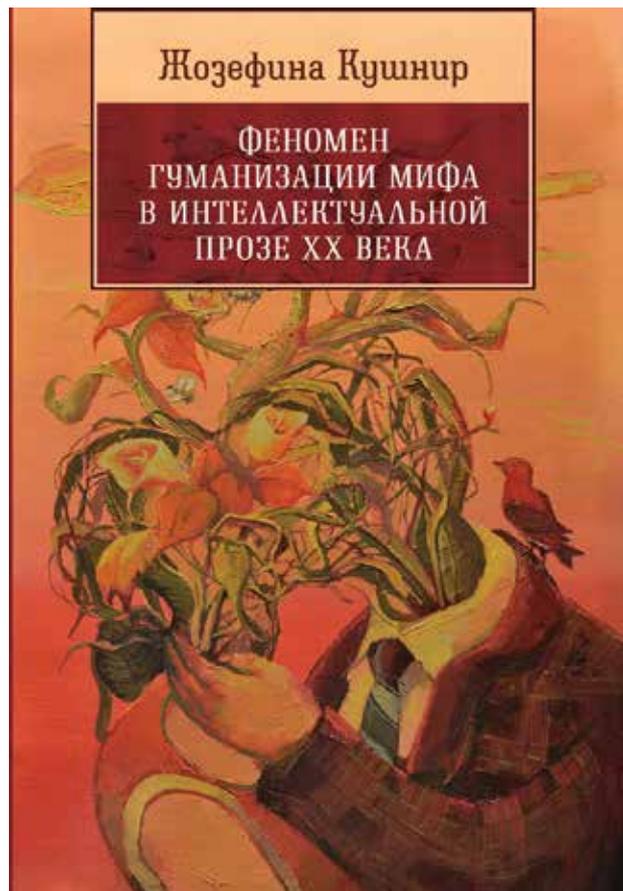

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ЖОЗЕФИНЫ КУШНИР
«ФЕНОМЕН ГУМАНИЗАЦИИ МИФА В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЕ XX
ВЕКА» (Chișinău: Pontos, 2017. 352 p.)**

Монография Жозефины Кушнир посвящена актуальному вопросу о границах мифа в мировой литературе XX в., о неизбежности обращения к мифу и о не меньшей неизбежности отстраненно-

го или даже сдержанного отношения к нему. При каких условиях такая сдержанность, житейская осторожность становится новым гуманизмом, преображающим миф? Классическая литература знала превращение мифа в воспитательный инструмент, но в XX в. такое воспитание должно уже работать в две стороны, будучи направленным не только на постоянно пополняемую аудиторию, но и на самого писателя, которому приходится давать себе самый строгий отчет.

Ж. Кушнир справедливо указывает на полемические контексты возникновения мысли Т. Манна о гуманизации мифа как первейшей задаче романа XX в., так что позиция данного писателя и рассматривается как образцовая гуманистическая позиция в неомифологизме. Часто в изложении вопроса программу Т. Манна

сводят к противодействию идеологиям через расширение возможностей прозы в сторону сложного «остранения», иронии, повествования о повествовании, внесения авторефлексивных и проблемных элементов в сам материал. Но Ж. Кушнир указывает, что позиция Т. Манна подразумевала противостояние определенным формам интеллектуализма, тому, что называется теоретизмом, и здесь можно было бы вспомнить сходную полемику М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Г. Г. Шпета и других ведущих русских мыслителей первой половины XX в. против теоретизма как принципа обобщений, не учитывающих гуманитарные устремления в самих структурах описания истории и в самой фактичности человеческого общежития. В этом смысле несомненно, что данный ранний проект критической теории не смог бы состояться без феноменологической философии и вообще без того поворота к «жизненному миру» от мира науки, который и позволил относиться к мифу не как к форме до-рефлексивного существования в истории, но как к форме мышления, постоянно проблематизирующей отношения человека с историей даже до того, как сама история была открыта. Такой миф и может быть гуманизован тогда, когда открытие истории и ее открытость стали угрожающе известны литературе. Поэтому закономерно при интерпретации литературных произведений XX в. обращение к опыту изучения мифа как формы мышления, проблематизирующей саму историю как бытие, вписанной в ритуал, в том числе ритуал жертвоприношения и искупления, от разработок парижского Коллежа социологии до трудов таких русских мыслителей, как А. Ф. Лосев и О. М. Фрейденберг. В диссертации также дана оригинальная интерпретация результатов Н. Фрая, корректирующая нормативный структуралистский подход к строению мифа, как и юнгианскую аналитику архетипов: Фрай указывал, что и базовые мифологемы тоже оказываются некими вариантами, а не константами литературного сознания.

Исследование Ж. Кушнир обладает несомненной новизной, теоретической и практической значимостью. В работе есть целый ряд научных открытий, которые должны войти в оборот мировой науки:

1. Инвариант можно понимать не просто как базу или источник для вариантов, но как подвижный феномен, в котором раскрывается фактичность литературы на фоне сюжетности мифа, так что признание мифа вымыслом в античном или современном рационализме не колеблет не только варианты, но и инвариант.

2. Гуманизация мифа происходит на уровне перераспределения мифологем, когда базовые мифологемы оказываются предметом специфицирующей разработки в художественном произведении, тогда как дополнительные мифологемы выявляются в нем в своей фактичности, производя одновременно «эффект реальности» и критику социальной реальности.

3. Оценка мифологизма в литературе XX в. невозможна только простым перечислением дей-

ствующих мифологических мотивов, но требует сначала увидеть, как была пересмотрена природа данного жанра, чтобы потом понять, какое место здесь может занимать миф.

4. Литературное творчество XX в. само в конце концов сопоставляет себя со сложными мифологемами, прежде всего, мифологемой всеобщего восстановления (апокатастасиса), отличающимися от простых мифологем, и именно это восстановление позволяет литературе XX в. состояться как некоему целому, открывающему пути для дальнейшего развития литературы.

Круг охватываемых произведений мировой литературы широк, анализ всегда проницателен; работа, бесспорно, является вкладом в мировую науку.

Александр МАРКОВ